

УДК 130.2:800.1

ТЕОРИИ РЕФЕРЕНЦИИ В КЛАССИЧЕСКОЙ И НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Ермоленко Галина Алексеевна,

*доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии
Кубанский государственный университет,
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149;
e-mail: konzepters@yandex.ru*

Кожевников Сергей Борисович,

*доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии
Кубанский государственный университет,
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149;
e-mail: konzepters@yandex.ru*

В статье рассматриваются философские теории референции в контексте культурной семантики и лингвокультурологии. Анализируется содержание метафизической теории значения, восходящей к трудам Аристотеля, а также семантические исследования языка Г. Фреге, Б. Рассела, С. Крипке, Д. Дэвидсона, М. Блэка, К. Доннелана, Д. Каплана. Авторы приходят к выводу о конститутивной роли метафоры в языке философии. Метафора является модусом смыслообразования и формирования понятий в философском тексте.

Ключевые слова: референция; метафора; культура; философия; текст; структура; смысл; концепция, язык.

Философские тексты сложны по своей семантической природе. Это обусловлено самой спецификой предмета философского познания. Философское познание направлено не на сами явления, а на их смыслы, не на действительность саму по себе, а на то, как она дана относительно нашего сознания [1, 5]. «Философская рефлексия, начиная с дельфийского изречения “Знай себя!” и имплицитного ему онтологического вопрошания “Кто Я?”, выталкивает человека из самопонятности обыденного существования и обращает к поиску подлинных оснований своего бытия» [3, с. 9]. Язык философии характеризуется отсутствием собственного объективированного поля референции. Он относится не к самой чувственно данной реальности, а к некоторой теоретической модели, включающей сконструированные абстрактные объекты.

Возникая посредством трансгрессии, язык философии заключает в себе бытие философской мысли, способ её существования. М. Хайдеггер называет язык «домом бытия», «хранителем присутствия», замечая при этом, что «всякая осмысливающая мысль есть поэзия, а всякая поэзия — мысль» [16, с. 272–273]. «В связи с переосмысле-

нием роли метафоры в процессе познания особенно важна возможность релевантного употребления философских метафор и адекватного понимания их значений» [6, с. 81].

Наиболее ранняя теория метафоры восходит к эпохе Античности. Она построена на метафизической теории значения, так как строится на онтологическом истолковании феномена значения слов: значение — строго определенное отношение между языком и миром. Магическая трактовка имени характеризует значение как изначально установленную во всей своей полноте семантическую структуру. А все попытки её познания сводятся к несовершенным интерпретациям подлинного, принципиально невыразимого смысла.

Исходя из этого в классической философии общераспространённым стало предположение, что существенными, подлинными могут быть только буквальные значения. Природа же иносказаний не имеет самостоятельных оснований: метафора — разновидность замещения слов, сравнение. Сравнительная концепция метафоры Аристотеля оказалась вполне актуальной в эпоху Нового времени. Она явилась теоретической базой

новоевропейских представлений о семантической бессодержательности, абсурдности метафоры [4, 8].

В основу современной теории значения положены идеи Г. Фреге, осуществившие революцию в сфере логической семантике. В структуре «имени» Фреге выделяет три компонента:

- представление, вызываемое словом у слушателя;
- смысл слова;
- значение слова.

Устанавливая различие между смыслом (Sinn) и значением (Bedeutung), Фреге определяет принципы их семантического взаимодействия. Смыслом слова он называет ту мысль, которую содержит слово. Значение же обуславливает ценность смысла. Оно проясняет достоверность того или иного предложения: «значением предложения является... то обстоятельство, что оно является истинным или ложным» [15, с. 32].

Значение Фреге характеризует как двухкомпонентное образование, состоящее из денотата (объекта обозначения) и определяющего его смысла. Смысл при этом связывается с конкретным фрагментом реальности, считается изначально присущим объекту. Знание значения термина ставится в зависимость от понимания смысла: «Значением собственного имени является сам предикат, который мы обозначаем этим именем; представление, которое мы при этом имеем, полностью субъективно» [15, с. 29].

Фреге вырабатывает новый подход к анализу косвенных выражений. В отличие от широко распространенного прежде отрицания их способности иметь собственные значения он обосновывает право за косвенными выражениями на значащее существование, совершая тем самым переворот в развитии теории метафоры: «В косвенной речи значением предложения является некоторая мысль» [15, с. 34]. Не имея непосредственной связи с реальностью, иносказание наделяется особым содержанием. Концепция Фреге делает очевидной эффективность метафоры как теоретической модели, которая, не будучи фрагментом реальности, становится средством для построения адекватного представления о реальности.

Вводя метафоры в сферу значимого семантического пространства, Фреге, очевидно, указывает не только на мобильность языка, но и на сложность и изменчивость действительности. В качестве развития этой концепции смысла выступает теория дескрипции Б. Рассела, согласно которой для овладения знанием об объекте необходимо владеть де-

скрипцией объекта: содержание «имени» — сокращенная дескрипция. При этом значение могут иметь далеко не все включенные в дескрипцию имена. Значение «имен» определяется их отношением к объекту. Центральной в своей теории дескрипции Рассел считает идею о том, что «фраза может обуславливать значение предложения, не имея сама по себе никакого значения» [2, с. 27].

Разработанные Фреге и Расселом концепции значения оказали большое влияние на развитие современной науки. Их переосмысление привело к созданию новой теории референции, которая определила ведущие принципы современных представлений о метафоре.

Новая теория референции параллельно разрабатывается целым рядом авторов: С. Крипке, К. Доннеланом, Д. Капланом. Пытаясь объяснить значения лексических единиц, они приходят к необходимости не только произвести дистинкцию «смысл – значение», но и вообще исключить понятие «смысл» из сферы, имеющей отношение к значению слова. Понимание значения слова они связывают не со знанием глубинного смысла, всеобъемлющей дескрипции, а со знанием тех значений, с которыми соотносится исследуемое «имя».

Согласно новой теории референции понимание значения слова не нуждается в том, чтобы знать его смысл в полном объеме. Так, «можно знать значение слова “золото”, не зная, как объяснить, что данная вещь является или не является золотой» [10, с. 413]. Значение сводится к некоторому устойчивому смысловому фрагменту, который остается инвариантным при переходе термина из одной теории в другую. Понимание значения связывается со знанием буквального смысла слова, отражающего правила его конкретного применения, употребления в речи [13].

Развивая идеи новой теории референции, Х. Патнэм отмечает, что «значение имени не определяется концептом, находящимся в голове говорящего» [11, с. 413]. Определяющими референцию он считает два фактора, не учитывавшиеся ранее: общество и реальный мир. Значение в связи с этим — не строго определенное отношение между языком и миром, выраженное в некоторой дескрипции, а результат активного взаимодействия семантических единиц [7].

Изменения, произошедшие в теории значения, вполне закономерно привели к возникновению нового понимания природы метафоры. Современная лингвистика рассматривает метафору в кругу явлений «намеренного нарушения закономерностей смыслового соединения слов» [3,

с. 147]. Причины этого нарушения главным образом связываются с лабильностью языковых структур. В прошлое уходит характеристика метафоры как сравнения, сопоставления двух застывших семантических форм. Метафора представляется как результат взаимодействия значений. В качестве субъектов этого взаимодействия в контексте понятийной теории значения, разработанной Огденом и Ричардсом, выступают две взаимодействующие мысли, в свете референциальной теории значения — два отдельных объекта. По всей видимости, следует предположить, что на основе современных теорий значения происходит формирование ряда новых тенденций в развитии теории метафоры. В первую очередь — семантической и прагматической.

В русле семантической тенденции феномен метафоризации наделяется самостоятельным значением: метафора — не только выразительное средство, но и способ смыслообразования. Развитие этого направления можем проследить на примере ряда современных теорий метафоры. Показательна в этом смысле теория напряжения. В ее интерпретации особое значение метафоры — результат взаимодействия двух взаимодополняющих, находящихся в напряжении процедур — эпифоры и диафоры. Их соотношение обуславливает бифункциональность метафоры: с одной стороны, метафора расширяет все соседствующие с ней выражения с другой — на основе этого создает новое значение. Развивая теорию напряжения, Ф. Уилрайт характеризует метафоры как «создающими напряжение символами, неизбежно сопутствующими мышлению» [14, с. 108].

В теории Ричардса обретение метафорой самостоятельного значения объясняется взаимодействием в ней двух мыслей. В работе «Философия риторики» Ричардс пишет: «Когда мы используем метафору, мы основываемся на двух мыслях о двух различных вещах. Причем эти мысли, возникая одновременно, выражаются с помощью одного слова или выражения, значение которого есть результат их взаимодействия» [цит. по: 14, с. 200]. В качестве компонентов метафоризации выступает «основа» — объект, относительно которого строится метафора, и «носитель» — возникшее в процессе этого выражение. «Основа» задает референцию, а «носитель» определяет смысл. Отдавая предпочтение понятийной теории значения, Ричардс усматривает природу метафоры в однонаправленном взаимодействии мыслей.

Интеракционистская теория М. Блэка, обосновывая наличие в метафорических структурах осо-

бого значения, рассматривает метафору как следствие взаимодействия отдельных объектов, каждому из которых соответствует «система ассоциативных общих мест». Интеракция этих систем моделирует значение метафоры, в рамках которого изменяется прежнее значение обоих объектов: «Механизм метафоры заключается в том, что к главному субъекту прилагается система “ассоциируемых импликаций”, связанных со вспомогательным субъектом; метафора отбирает и организует одни, вполне определенные характеристики главного субъекта и устраняет другие» [14, с. 167]. Тем самым природой метафоры М. Блэк считает взаимодействие семантических пространств, относящихся к двум различным объектам.

В контексте семантического направления метафора характеризуется как феномен мышления. Иначе интерпретирует природу метафоры прагматическое направление: оно отрицает смыслообразующую функцию метафоры.

Высоко оценивая роль метафоры в философских текстах, Д. Дэвидсон видит специфику метафоризации не в возникновении особого смысла, а, наоборот, в том, что метафора, в отличие от других лексических структур, «пользуется в дополнение к обычным языковым механизмам не-семантическими ресурсами» [12, с. 173]. Дэвидсон, очевидно, предлагает обратиться к предложенному Фреге разграничению значения слова и представления, вызываемого этим словом у слушателя. Эффект метафоры он целиком относит к сфере употребления — того воздействия, которое оказывает на нас фигура речи: «Метафора связана с образным использованием слов и предложений и всецело зависит от обычного или буквального значения слов и, следовательно, состоящих из них предложений» [14, с. 175].

Не сомневаясь в истинности метафорических выражений, Дэвидсон отрицает возможность существования особой метафорической истины: метафора не имеет самостоятельного когнитивного содержания, «язык метафор не отличается от языка предложений самого простого вида» [14, с. 177]. Значение метафоры полностью зависит от буквальных значений.

Специфика же феномена метафоризации проявляется в эстетической роли метафоры: в ее способности заставить читателя увидеть один объект в свете другого и ощутить чувство новизны, активизирующее познавательные процессы. Значение метафоры обуславливается контекстом и закономерно становится в концепции Дэвидсона предметом анализа прагматики.

Метафору Дэвидсон характеризует как фигуру речи, позволяющую сопоставить два буквальных значения, присущие различным объектам. Семантические пространства последних он считает, в отличие от Блэка, устойчивыми и неизменными; их взаимодействие не приводит к возникновению отличного от прежнего общего смысла: «Метафора не нуждается в удвоении: какими значениями мы наделяли слова, такие значения и сохраняются при прочтении всего выражения» [14, с. 178].

Произведенный нами анализ современных философских подходов к изучению природы метафоры и содержания теорий референции позволяет сделать ряд заключений:

1. Формирование во второй половине XX в. нового образа рациональности расширяет традиционные границы языка философии. Структуралистские и герменевтические эксперименты приносят в его структуру неожиданные семантические и эстетические обертоны. Полисемантизм философской терминологии предполагает расширение возможностей словообразования за счёт метафоризации новых смысловых реалий и развитие интерпретативных практик посредством эффекта синергии. Метафора, традиционно считавшаяся художественным приёмом, становится важнейшим приёмом формирования новых научных терминов. Когерентная концепция истины позволила включить метафорические конструкции языка философии в арсенал концептуальных ресурсов философии.

2. Активизация применения образов, метафор, художественных сравнений способствует повышению исследовательского интереса к проблемам теории метафоры. Пересмотру подвергается сравнительная теория метафоры, основные положения которой оставались незыблемыми со времён Аристотеля.

3. Специфика теорий метафоры XX в. базируется, очевидно, на изменении представлений о значении лексических структур: на смену метафизической теории значения приходит концепция Г. Фреге и Б. Рассела, ставшая традиционной для современной науки. Метафора как эстетически выразительное явление языка отображает многие закономерности развития культуры, науки, религиозного и обыденного опыта [9].

4. Множество современных теорий метафоры организуется нами на основе выделения двух ключевых тенденций: семантической и прагматической. В контексте указанных направлений делаются наиболее существенные, как нам пред-

ставляется, выводы о функциях метафор научных и художественных текстов.

Несмотря на несомненность эффективности метафорического метода словообразования в языке философии, остаётся проблематичным вопрос о возможности особой метафорической истины, содержание которой не сводится к простой сумме буквальных значений. Вполне обоснованным в связи с этим нам кажется выделение семантического направления в понимании природы метафоры. Его представители (Ричардс, Блэк и др.) эффектом метафоры считают образование нового смысла и поэтому характеризуют метафоризацию как особый художественный способ словообразования.

Прагматическая тенденция отличается сведением эффекта метафоры к эстетической составляющей и настойчивым отрицанием возможности создания нового смысла в рамках метафорической конструкции. Смысловая аутентичность метафорической конструкции обуславливается эффектом синергии, т.е. эстетическими параметрами текста. Феномен метафоризации сопряжён с ощущениями новизны, неожиданности, вызванными наложением друг на друга разнородных значений, ярких и выразительных словообразов.

5. Дискуссионность и разнонаправленность оценок ресурсов метафор в философских текстах только подчёркивает актуальность исследований языка философии. Между традиционной и современной парадигмой понимания специального научного языка обнаруживается значительная разница. Из простой семантической формы с буквальным значением метафора преобразуется в динамичный, эстетически выразительный словообраз, в котором находят отображение лабильные значения и экспрессивные предложения и терминологические новации, содержащиеся в языке философии.

Список литературы

1. *Абрамова Н.Т.* Перцептивное познание // Философия науки / Ин-т философии РАН. М., 1996. Вып. 2. С. 28–48.
2. *Аналитическая философия: Избранные тексты.* М.: Изд-во МГУ, 1993. 286 с.
3. *Аполлонов И.А., Чистилина И.А.* Проблема толерантности в контексте этнокультурной идентичности в условиях полиэтничного региона. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2013. 183 с.
4. *Арутюнова Н.Д.* Языковая метафора (синтаксис и семантика) // Лингвистика и поэтика / Ин-т русского языка АН СССР. М.: Наука, 1979. С. 147–173.

5. *Витгенштейн Л.* Философские работы. М.: ГНОЗИС, 1994. Ч. 1. С. 5–73.
6. *Ермоленко Г.А., Кожевников С.Б.* Философские метафоры в текстах культуры // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 3(15). С. 81–88.
7. *Макеева Л.Б.* Философия Х. Патнэма / Ин-т философии РАН. М., 1996. 190 с.
8. *Мораши М.* Метафора в произведениях Кафки // Эстетические исследования: методы и критерии / Ин-т философии РАН. М., 1996. С. 228–230.
9. *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 456 с.
10. *Патнэм Х.* Как нельзя говорить о значении // Логика и методология науки. Структура и развитие науки. М.: Наука, 1978. С. 396–418.
11. *Патнэм Х.* Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Наука, 1982. С. 377–390.
12. *Петров В.В.* Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск: Наука, 1985. С. 196–220.
13. *Поляков А.В.* Понимание и творчество // Загадка человеческого понимания. М.: Политиздат, 1991. С. 235–244.
14. *Теория метафоры* / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. 511 с.
15. *Фреге Г.* Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. 423 с.
16. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Республика, 1993. 446 с.
5. *Vitgenshtejn L.* *Filosofskie raboty* [Philosophical works.]. Moscow, GNOZIS Publ., 1994, part 1, pp. 5–73. (In Russian).
6. *Ermolenko G.A., Kozhevnikov S.B.* [Philosophical metaphors in texts concerning culture]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. Pp. 81–87. (In Russian).
7. *Makeeva L.B.* *Filosofiya H. Patnema* [H. Putnem's philosophy]. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996, 190 p. (In Russian).
8. *Morash M.* [Metaphor in Kafka's works]. *Esteticheskie issledovaniya: metody i kriterii* [Aesthetic studies: methods and criteria]. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996, pp. 228–230. (In Russian).
9. *Ortega y Gasset J.* *Estetika. Filosofiya kul'tury* [Aesthetics. Philosophy of culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991, 456 p. (In Russian).
10. *Putnam H.* [How you can not speak about meaning]. *Logika i metodologiya nauki. Struktura i razvitie nauki* [Logics and methodology of science. Structure and development of science]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 396–418. (In Russian).
11. *Putnam H.* [Meaning and reference]. *Novoe v zarube* [New things in foreign linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 377–390. (In Russian).
12. *Petrov V.V.* [Scientific metaphors: nature and mechanism of functioning]. *Filosofskie osnovaniya nauchnoj teorii* [Philosophical basis of scientific theory]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1985, pp. 196–220. (In Russian).
13. *Polyakov A.V.* [Understanding and creativity]. *Zagadka chelovecheskogo ponimaniya* [Puzzle of human's understanding]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, pp. 235–244. (In Russian).
14. *Teoriya metaphory* [Theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, 511 p. (In Russian).
15. *Frege G.* *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, Dom intelektual'noj knigi, 1997, 423 p. (In Russian).
16. *Heidegger M.* *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow, Republic Publ., 1993, 446 p. (In Russian).

Получено 27.09.2014.

References

1. *Abramova N.T.* [Perceptive knowledge]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of science]. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996, ed. 2, p. 28–48. (In Russian).
2. *Analiticheskaya filosofiya. Izbrannye teksty* [Analytical philosophy. Selected texts]. Moscow, Moscow State University Publ., 1993, 286 p. (In Russian).
3. *Apollonov I.A., Chistilina I.A.* *Problema tolerantnosti v kontekste etnokul'turnoj identichnosti v usloviyah polietnicheskogo regiona* [Problem of tolerance within context of ethnocultural identity under the conditions of polyethnic region]. Krasnodar, Kuban' State Technical University Publ., 2013, 183 p. (In Russian).
4. *Arutyunova N.D.* [Language metaphor (syntax and semantics)]. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. Institute of Russian language of Academy of Sciences of the USSR, Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 147–173. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 27.09.2014.

THEORIES OF REFERENCE IN CLASSICAL AND NON-CLASSICAL PHILOSOPHY

Galina A. Ermolenko, Sergey B. Kozhevnikov

Kuban State University; 149, Stavropolskaya str., Krasnodar, 350040, Russia

The article examines the philosophical theories of reference in the context of cultural semantics and linguistics. The authors analyze the content of the metaphysical theory of meaning, which goes back to Aristotle, and semantic study of language, G. Frege, B. Russell, S. Kripke, D. Davidson, M. Black, K. Donnellan, D. Kaplan. The authors conclude about the constitutive role of metaphors in the language of philosophy. A metaphor is a mode of meaning formation and the formation of concepts in a philosophical text.

Key words: reference; metaphor; culture; philosophy; text; structure; meaning; concept; language.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ермоленко Г.А., Кожевников С.Б. Теории референции в классической и неклассической философии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4(20). С. 14–19.

Please cite this article in English as:

Ermolenko G.A., Kozhevnikov S.B. Theories of reference in classical and non-classical philosophy // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. Iss. 4(20). P. 14–19.